

УДК 323.172,174; 341.231.

ДАХИН Андрей Васильевич — д.филос.н., профессор; заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 46; ADakhin@vvpaa.vvags.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ

Часть 1

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы структурного строения и трансформаций современного общества в свете концепта региональной стратификации. Рассматривая современные тенденции трансформации социально-культурных, экономических и политических пространств в современном евроазиатском мире, автор делает акцент на роли суверенитета государств, а также на определении таких фундаментальных факторов региональной стратификации, как структуры коллективной памяти и идентичности. Показано, что в сочетании с другими экономическими и политическими факторами коллективная память и идентичность могут стимулировать процессы регионализации (автономизации) социально-политического пространства. На примере конфликта официального Киева с восточными регионами показано, что упомянутые факторы могут быть источником не только локальной, но и глобальной конфронтации различных политических регионов. В заключение автор приходит к выводу, что Россия нуждается в обновлении концептуальных подходов к стратегии своего позиционирования в системе региональной стратификации современного мира.

Ключевые слова: региональная стратификация политического пространства, региональная коллективная память, региональная идентичность, глобальная региональная стратификация, локальная региональная стратификация

Две тенденции социальных и социально-политических исследований обозначились во второй половине XX в.: увлечение глобалистикой и регионалистикой. Первая развивалась, испытывая тяготение к геополитике, к поиску принципов нового мирового порядка, к вопросам формирования планетарно-космических военно-промышленных и информационно-технологических комплексов. Вторая тяготела к проблемам организации демократического порядка гражданской жизни на муниципальном уровне, к разработке либеральных институтов коммунальной самоорганизации. Обе тенденции претендуют на статус самостоятельных научных дисциплин, вокруг них складываются научные школы, исследовательские центры.

Существование названных тенденций совпадает с процессами трансформации социальных функций, роли и строения традиционных национальных государств. С другой стороны, каждое упомянутое научное направление сталкивается с решением однотипной задачи: глобалистика находится в поиске сочетания моноцентричной, однополюсной и многополюсной, полицентричной моделей нового мирового порядка, а регионалистика ищет возможности сочетания унитаризма и федерализма с муниципальной самостоятельностью соответствующих социальных субъектов в условиях государственного конституционного порядка.

При всей разнице эмпирического материала и понятийных оболочек, в которых обычно прорабатываются названные проблемы, можно отметить, что поиски ведутся в рамках одной тематической области. Философы определяют ее как вопрос о единстве многообразного. Глобалистика понимает ее в той мере, в какой она связана с действием субъектов геополитики и геоэкономики, а регионалистика — в той мере, в какой она связана с принципами взаимоотношений социальных субъектов, самостоятельный статус которых определяется территориально-географическим, административно-политическим, этнокультурным факторами. Нетрудно показать, что во всех случаях дело касается сосуществования в одном

социальном пространстве различных территориально определенных социально-экономических, социально-политических акторов. Для одних социальное пространство — это поле общепланетарного масштаба, для других — масштаба отдельно взятого государства. Можно заключить поэтому, что глобалистика и регионалистика своими актуальными гранями высвечивают наличие проблем, связанных с активностью субъектов, одним из определяющих факторов социальной идентичности которых является территория (и ее ресурсы). Иначе говоря, мы имеем дело с разными аспектами одного социального явления — региональной стратификации социально-политического пространства. Различные страты этого пространства, имея/обретая субъектное начало, тянутся к сохранению/обретению суверенитета, иные стремятся ослабить или разрушить суверенное начало своих «противников». В результате складываются сложные поля «перекрестных» взаимных влияний и претензий различных территорий-субъектов, в которых то и дело вспыхивают более или менее сильные конфликты.

В практической политике, судя по всему, существует точка зрения, в соответствии с которой локальный конфликт никак существенно не влияет на глобальную безопасность, а потому вполне допустим в той или иной дозировке. Так, в России была «допущена» война в Чечне 1994–1996 г. Альянс НАТО в 1998 г. посчитал допустимыми ракетно-бомбовые удары по Ираку, а в 1999 г. — по Югославии и т.п. В 2014 г. власти официального Киева принимают решение о военном подавлении протестного движения в ряде районов Донецкой и Луганской обл., население которых не приняло силовой политической переворот в Киеве в феврале 2014 г. и т.п.

Отмеченные процессы могут рассматриваться как проявления особого типа социальной стратификации общества. Эта разновидность в теоретическом плане разработана менее других. Широко известны теории социально-экономической, политической, профессиональной стратификации общества [Сорокин 1992; Радаев, Шкаратан 1995; Анурин 1996]. Можно считать сложившимся интерес к проблеме этнокультурной стратификации [Данилевский 1991; Бромлей 1983; Арутюнян, Дробижева 1986; Дахин 1998]. Менее всего разработана теория региональной стратификации общества [Дахин, Распопов 1998], которая в настоящем случае наиболее востребована. Речь идет о теоретическом описании деления социального пространства, где главным критерием является фактор территориально-географической привязанности сообществ людей. В России становление этого подхода связано, в частности, с развитием политической регионалистики [Авдонин, Баранов, Дахин 2008], в поле зрения которой попадают преимущественно современные российские регионы, особенности их внутреннего социально-политического и экономического устройства, сравнительные российские и международные исследования [Лифшиц, Новиков, Смирнягин 1994; Моммен 1997; Макарычев 1997; Сергунин 1997].

Политическая регионалистика постепенно наводит исследования на социальные объекты особого рода — на территориально определенные социально-политические сообщества. Всей системой существования они привязаны к территории, они занимают то или иное географическое пространство, имеют влияние в тех или иных территориально-пространственных пределах. Эта связанность делает территориальное пространство объектом самых разнообразных социальных отношений, а также важным фактором территориально-пространственной дифференциации общества. Индикатором этой дифференциации является граница — административная или государственная. Важно отметить, что граница рассматривается здесь и как неотъемлемый элемент региональной стратификации, и как знак, следствие, специфическое выражение сложных процессов оформления социально-политических пространств.

В самом первом приближении, т.е. несколько упрощая положение, можно говорить об иерархии масштабов территориально-пространственной дифференциации общества: дворовый, городской, областной (субъекты федерации в России), субконтинентальный (масштаб традиционных национальных государств), континентальный (масштаб, сопоставимый с территориальными размерами континентов), межконтинентальный, общепланетарный масштаб. Каждый уровень

– это сфера отношений соответствующих территориально определенных социальных субъектов: на первом – это сообщества дворовых пространств, на втором – сообщества городских районов, на третьем – сообщества городов и др. видов населенных мест, на четвертом – сообщества областей и т.д. Социальные науки традиционно рассматривают в качестве центрального территориально-пространственного субъекта государство. В системе региональной стратификации государство – это административно-политическая оболочка, которая может оформлять территориально-пространственные общности различного масштаба. Так, скажем, государство Ватикан, Сингапур – это оформленные государственной административно-политической оболочкой и обладающие государственным суверенитетом территориальные общности городского масштаба. Германия, Франция, США и др. национальные государства – наделенная суверенитетом и государственной административно-политической оболочкой территориальная общность субконтинентального масштаба. Россия (или СССР) – наделенная государственной административно-политической оболочкой и суверенитетом территориальная общность межконтинентального масштаба (занимает территории двух континентов). К формату континентального масштаба движется ЕС.

В свете концепта региональной стратификации укрупнение территориальных единиц, когда несколько более мелких объединяются в более крупную, – это одно из конкретных проявлений процесса глобализации, предельной «планкой» которого является общепланетарный масштаб. Напротив, процессы дробления территориально-пространственной единицы на более мелкие части – это явление регионализации (распад Югославии, СССР и т.п.).

Региональная стратификация общества является его сущностной характеристикой, причем не менее фундаментальной и значимой, чем экономическая, политическая, возрастно-половая или профессиональная стратификация. Под региональной стратификацией общества мы, таким образом, понимаем фундаментальное и устойчивое измерение его бытия, которое проявляется, с одной стороны, как территориальная дифференциация его социального пространства на разномасштабные части, а с другой – как иерархия этих частей территориально-пространственного деления, каждая из которых наделена субъектной силой (социальной сущностью) той или иной мощности.

В системе современной региональной стратификации действуют две тенденции, влияющие на ее конфигурацию и нередко порождающие конфликтные ситуации. Одна – тенденция универсализации социальных процессов и порядков. Следствием ее становится формирование унифицированных форм социальной организации, покрывающих совокупность более мелких/слабых форм территориально-пространственного деления общества. Это тенденция, в русле которой может осуществляться укрупнение территориально-пространственных единиц (соединение нескольких более мелких в одно более крупное), полное или частичное «растворение» границ мелких территориально-пространственных образований внутри более крупных с передачей суверенитета (или его элементов) в ведение более крупных территориальных единиц, утверждающихся в контуре новой общей границы.

Другая тенденция – автономизация социальных порядков и процессов, связанная с делением более крупных территориально-пространственных единиц на более мелкие. Стремление к автономии свойственно, прежде всего, этнонациональным, этнокультурным, этноконфессиональным сообществам. В современном мире они движимы намерением утвердить традиционные нормы своей социальной самоорганизации, своей «большой семьи» в формах гражданских институтов или институтов государственности. (Это лишь один из мотивов территориального самоопределения, который имеет место наряду с такими, как интересы национальных политических элит, политическая манипуляция массовым сознанием и т.п.) Другая линия связана с периодически возникающими волнами интереса «цивилизованных государств» Запада или Востока к модернизации социальной организации сообществ в странах третьего мира по лекалам «цивилизованного порядка». Сюда относятся и эпоха Великих географических открытий середины XV – XVI вв. (период испанских и португальских завоеваний в Африке, Америке и Азии, освоение русскими

севера Азии и пр.), и эпоха колоний XVII–XIX вв. (колонизация Америки, Африки, Индии, Австралии и пр.), и современная эпоха утверждения сфер геополитического влияния (утверждение «номоса Земли» – по К. Шмитту или глобальной «демократизации» – по Ф. Фукуяме). В таких случаях, как правило, обнаруживаются явные признаки несовместимости местных этнических форм самоорганизации с «цивилизующими» формами и нормами предлагаемого извне государственного устройства. В современную эпоху светских демократических государств модернизацию связывают с «общечеловеческими» принципами демократического выбора, гражданского равенства и пр., которые, однако, вступают в конфликт с местными традиционными этническими укладами, такими как адат, шариат и т.п. Попытки модернизации часто оборачиваются затяжными конфликтами.

В России одним из событий, свидетельствующих о противоречиях автономизации, является предпринятая в середине 1990-х гг. попытка радикального мусульманского крыла чеченского сообщества вывести Чечню из состава России и оформить регион в виде независимого государства, основанного на принципах шариата. Запад рассматривал эти процессы в качестве части своей стратегии глобальной «демократизации». Поэтому, в частности, в 1996 г. ОБСЕ чрезвычайно активно участвовала в организации и проведении «демократических выборов» президента в Чечне. Выборы прошли, президентом был избран А. Масхадов, формальные демократические процедуры при этом были более-менее соблюдены. Но других признаков «демократического порядка» в «новой» Чечне не было ни видно, ни слышно. Более того, «демократически» избранный президент А. Масхадов вынужден был отстаивать свое лидерство перед «полевыми командирами» (Радуев, Басаев и др.) совсем не демократическими средствами. Так, в 1998 г. для восстановления нового правопорядка и борьбы с преступностью (с похищениями людей, прежде всего) Масхадов даже предпринимает попытку мобилизации под свои знамена резервистов, так что регион в какой-то момент приблизился к рубежу гражданской войны. Показательна в этот период судьба двух чеченцев, осужденных к публичному расстрелу по закону шариата в сентябре 1997 г. Не менее характерна для таких ситуаций и активность шариатского суда в Чечне 1998 г., решавшего вопросы внутреннего государственного устройства этого субъекта РФ (например, быть или не быть Верховному совету, институту президента, закону о люстрации и т.п.). Иначе говоря, вырвавшая на свободу радикальная этноконфессиональная стихия чеченской автономизации проявила свою несовместимость с институциональным государственным порядком как таковым (сообщество оказалось на грани гражданской войны, анархии). Аналогичные процессы происходят в первом и втором десятилетиях XXI в. при «демократизации» Ирака, Ливии, Египта, Сирии и др. государств этого региона. Во всех таких случаях внутренние импульсы радикальной автономизации были усилены внешними глобальными «ресурсами демократии» со стороны США и НАТО.

В этом круге проблем остановимся далее на вопросе о сущностных истоках и содержании внутренней пассионарной автономной активности этнических (этнонациональных, этнокультурных, этноконфессиональных) сообществ.

Этнокультурные миры региональной стратификации

В самом широком смысле известный консерватизм этнических сообществ, их сопротивление процессам глобализации связаны со стремлением сохранить традиционные уклады своего повседневного общежития. В этом стремлении присутствуют оттенки, утверждающие исключительность, уникальность собственной культуры, собственных традиций, что уже само по себе со стороны может восприниматься как проявление «национализма» или «этнического превосходства». А если стремление к сохранению своей уникальности сопряжено с радикальными или экстремистскими, экспансионистскими способами его достижения, – в этом случае национализм, религиозный фундаментализм и идея превосходства становятся угрожающей реальностью для всех «иностранцев» и «неверных».

Источник мотивированного сопротивления этнических сообществ различным процессам глобализации связан с загадкой этнического консерватизма. Почему

человеческие сообщества вопреки, казалось бы, здравому («цивилизованному») смыслу держатся за архаические формы совместной жизни и, более того, считают их чем-то священным и демонстративно культивируют их в своей среде? Это непонятно, особенно с точки зрения либерализма, рассматривающего индивидуальную свободу, индивидуальную выгоду и индивидуальный успех в качестве естественных и фундаментальных качеств цивилизованной человеческой природы. С ответом на этот вопрос связаны не только осмысление пределов адекватности либеральных теорий общества, но и необходимость более точного понимания истоков националистических идеологий и феномена региональной стратификации современного общества.

Дело в том, что структуры повседневного уклада жизни этнических сообществ базируются на субстанции их социально-исторической памяти. Или, точнее, коллективная социально-историческая память этнических сообществ действует, сохраняя свое активное состояние именно в структурах повседневного уклада их жизни: в повседневной речи (язык), обычаях, ритуальных мероприятиях, календарях памятных и праздничных дат и пр. Каждодневное воспроизведение исторически сложившихся отношений, форм общения, управления, наказания и т.п. является материалом мировоззренческого (духовного) и одновременно организационного (в пределе – политического) себя-именования, себя-выделения и себя-утверждения среди иных сообществ людей.

Рассмотрев вопросы генезиса социальной исторической памяти и ее связи со структурами личности в другом месте [Дахин 1995], в настоящем рассуждении хочется подчеркнуть следующий аспект. Коллективная память сказывается в том, что наделяет своих носителей явственным сознанием и переживанием священной значимости своего сообщества, своего «мы». Если позволительно будет так выразиться, то «органом» живой коллективной социальной памяти является само человеческое сообщество, воспроизводящее из поколения в поколение нормы и формы отношений и поведения, которые это «мы» понимает в качестве «своих». С одной стороны, каждое такое действие переживается сообществом и каждым отдельно взятым человеком как «дань памяти», а потому должно быть выполнено совершенно точно, по канону, т.е. так, как это «было раньше». Отсюда берет начало *фундаментальная традиция* (в отличие от нее есть традиции конструируемые) – разветвленная дорожная карта жизни сообщества, сотканная из взаимосвязанных точек-событий и мест памяти, каждое из которых является местом принесения «дани памяти» (исполнения «долга памяти»). Это особенная дорожная карта. Она не просто ведет вперед, но ведет по кругу, как бы постоянно вращая колесо предшествующей истории сообщества так, что точки настоящего постоянно сопряжены с памятными событиями прошлого. Благодаря работе структур коллективной социально-исторической памяти сообщество имеет фундаментальную традицию, которую несет на своих плечах как самый ценный скарб. Собственно говоря, сообщество существует как реальное сплоченное «мы», если оно обладает этим незримым постороннему взгляду скарбом традиции. Напротив, сообщество распадается до «атомарного» состояния (аномия), становится совокупностью отдельных индивидов, если скарб традиции брошен, «украден», уничтожен.

Действие коллективной памяти человеческих сообществ дано им в виде усвоенных всеми «с молоком матери» правил повседневного поведения, являющихся обязательным элементом их коллективной самоидентификации. Принадлежность к сообществу определяется тем, в какой мере индивид усвоил традиционные уклады жизни. Признание индивида в качестве признанного члена «большой семьи» связано с более или менее выраженными формами инициаций. Проходя различные ступени/форматы инициаций, каждый индивид накапливает свой собственный «капитал» идентичности со своим «мы», все более и более «укореняется» в чине его традиции, все более и более становится носителем священного скарба. Особенность в том, что идентичность – не паспорт, который человек получает и кладет в карман. Идентичность – это процесс, процесс участия в несении традиции, в исполнении «дани памяти предкам» на всех пунктах, отмеченных в незримой дорожной карте памяти этого «мы».

Наряду с бытовой, повседневной этнонациональной самоидентификацией (язык, одежда, ремесла и пр.) имеет место и духовно-мировоззренческая самоидентификация, которая также опирается на действие структур коллективной социально-исторической памяти сообщества. Вопрос о том, во что верить, каких ценностей придерживаться — это в этнических сообществах отнюдь не индивидуальное дело каждого отдельно взятого человека. «Большая семья» живет своими святынями, и их почитание — строгая норма поведения для всех. Этническое сообщество одновременно, как правило, является и конфессиональным сообществом, поскольку в качестве «своего» мировоззрения культивирует, поддерживает, проповедует ту или иную религиозную систему.

Отношение повседневной и мировоззренческой идентичности является сильной связью, она присутствует всегда, если мы имеем дело с активным, живым этническим сообществом. Но связь содержания мировоззренческой идентичности и содержательного наполнения повседневной идентичности является более слабой, более гибкой, переменчивой. Содержательное наполнение мировоззренческой идентичности может порождать причудливые сочетания, когда сообщества, имеющие один и тот же повседневный уклад (принадлежащие к одной этнонациональной группе, традиции), придерживаются различных мировоззренческих традиций. Например, среди славян одни, как правило, имеют православную мировоззренческую идентичность, другие — католическую, третьи — староверы и пр. У этнографических групп албанцев есть сообщества с разной мировоззренческой идентичностью: среди гегов есть мусульмане и католики, среди тосков — мусульмане и православные, арнауты исповедуют православие, а арберешы — албанцы-католики. В целом, в традициях XIV–XIX вв. албанцы примерно на 70% мусульмане, остальные исповедуют христианство (православие или католицизм). Или, например, среди иранских народов есть осетины, которые имеют православную мировоззренческую идентичность, пуштуны — с сунитско-исламской мировоззренческой идентичностью, курды, исповедующие ислам сунитского, шиитского толка, ислам-алевиизм, а также езидизм и христианство.

Мировоззренческие святыни, предметы верований, с одной стороны, и этнонациональные бытовые уклады повседневной жизни — с другой, образуют своеобразный объемлющий строй коллективной памяти, предметно воплощенный в формах материальной социокультурной среды, ландшафта этнического сообщества. Убранство, устойчивость и сохранность такой среды обусловлены «крепостью» коллективной памяти сообщества и устойчивостью коллективной идентичности (себя-именования и себя-выделения) для самих себя и среди других. При этом доминирующим признаком собственной идентичности сообщества может быть один или несколько компонентов объемлющего строя коллективной памяти: обычно это или язык, или способ хозяйствования (оседлый или кочевой образ жизни), или система верований, или территория «родины предков» (Иерусалим для иудеев и христиан, Мекка для мусульман и т.п.), или различные комбинации названных и иных элементов.

Феномен символического себя-выделения всегда сопровождает социальную стратификацию общества. Применительно к современному светскому обществу его описал П. Бурдьё (с помощью понятия «габитус»). Смысл в том, что устойчивое сообщество людей всегда стремится обрести некие «знаки отличия» своего сообщества от других. При этом сами «знаки» составляют круг особо почитаемых и ценных (вплоть до возведения в степень священных) объектов или качеств, а «материал», в котором они воплощены, может быть (особенно в эпоху Постмодерна) самым разнообразным (одежда, прическа, бижутерия или ювелирные украшения, сленг, интерьер жилища, особый календарь праздничных и памятных дат и пр.).

Для этнических сообществ характерно то, что одним из материалов, в котором воплощается их себя-именование и себя-выделение, является территория проживания, ландшафт земли, с которой коллективное «мы» связывает свое происхождение или бытие. Существует фундаментальная взаимосвязь между действием коллективной социально-исторической памяти этнических сообществ, их территориальной (географической) самоидентификацией и пассионарными толчками автономиза-

ции. Эта связь важна для понимания того, что если в сообществе сильны этнические механизмы коллективной памяти, которая сплачивает их вокруг собственного «мы», воплощенного в тех или иных ценностях и святынях повседневной и мировоззренческой жизни, то в этом сообществе есть фундаментальный антропный источник этнокультурной (или этноконфессиональной) автономизации. Здесь будет присутствовать незримая связь сообщества со «своей» территорией, здесь всегда будет территория, связь с которой является неотъемлемой частью мировоззренческого священного скарба сообщества. К этому могут добавляться мотивы экономического, технологического или политического обособления, что усиливает влияние фундаментального фактора антропной памяти и идентичности.

Напротив, если населяющее территорию сообщество не имеет сильных этнических структур общего коллективного памятования, то источников устойчивого антропного этнокультурного или этноконфессионального регионализма здесь не будет. Импульсы регионализации могут возникать в этом случае лишь на основе иных форм социальной стратификации (деление на касты или классы) и могут быть связаны, прежде всего, с мотивами экономической, технологической, политической или природной регионализации.

Этнокультурный регионализм обусловлен материковыми породами культурного слоя планеты, в котором, как в озоновом слое, появляются дыры, но который пока еще существует благодаря работе антропных структур живой коллективной памяти человеческих сообществ. Действующие на территории проживания различных сообществ святыни и ценности, устои и порядки повседневного общежития обладают здесь — на этой территории «мы» — статусом социальной исключительности. Они не подлежат обмену, купле и продаже, они не подлежат универсализации и глобализации, т.е. не «конвертируются», не взаимозаменяемы с аналогичными, казалось бы, элементами «цивилизации», привезенными с других территорий.

Таким образом, этнокультурный регионализм и пассионарные всплески автономизации фундаментально могут быть обусловлены, тем, что:

а) повседневная жизнь человеческого сообщества строится на каркасе объемлющего строя коллективной памяти, содержательно наполняет внутреннюю сферу коллективных переживаний своего «мы»;

б) эта внутренняя жизнь всегда порождает и поддерживает элементы порядков социальной исключительности, которые воплощаются в различных формах себя-именования и себя-определения сообщества для себя и для других, что в целом создает устойчивый чин элементов идентичности;

в) среди обязательных «материалов», в которых воплощается идентичность, выделяется «заветная» территория, а также ее предметно-пространственная природная, бытовая и архитектурная среда.

Не только в этническом пространстве могут быть обнаружены импульсы обособления, противостоящие тенденциям глобализации. Есть ситуации социокультурной автономизации, основу которой образуют современные светские сельские или городские сообщества. Городские сообщества, как правило, представляют собой конгломераты представителей разных этнических, конфессиональных, национальных групп. Основой идентичности такого сообщества выступает общая история города и ее сбережение в коллективной памяти горожан, а также общественные запросы различных групп горожан на получение городских благ и механизмы их удовлетворения. Процесс формирования структур коллективной памяти города происходит по-иному, нежели у этнокультурного сообщества. Он связан с историей становления городского сообщества (как правило, из этнокультурной группы), а также с коллективными действиями различных кластеров горожан на территории города (вече или иное городское собрание, городские подати или повинности, выборы в представительные институты городского самоуправления, восстание, общегородская система транспортных, информационных коммуникаций и пр.). В разные эпохи города становились территориями идентичности разных доминирующих в социальном пространстве города групп. В эпоху мифо-династических государств городские сообщества менялись от античного полиса, где городское ядро образовывали группы свободных граждан, до городов Римской империи, где

основу составляли группы, аффилированные в систему власти империи. Для эпохи религиозно-династических государств свойственно иное: в средневековом европейском городе ядро образуют группы католических священников, ремесленников и торговцев, более или менее сплоченных вокруг представителей местной правящей династии, в Новое время – группы, консолидированные вокруг представителей национальной правящей королевской династии. В эпоху светских тоталитарных государств город образуют группы, консолидированные вокруг местного представителя диктатора, а в современную эпоху светских демократических государств – активные группы населения, солидарные с разнородными по внутреннему составу политическими и экономическими элитами. Доминирующая городская группа считает территорию города частью «своей» социокультурной (социально-политической, социально-экономической) идентичности, а поэтому стремится распорядиться ею согласно своему усмотрению, ущемляя интересы других групп городского населения и их отношение к «своему» городу.

Современный город, архитектурная городская среда в большей или меньшей степени являются территорией сосуществования идентичностей, что при определенных условиях может выступать одним из факторов социально-политического конфликта. Архитектурно-градостроительная среда, которая естественным образом выступает частью городской коллективной социально-исторической памяти, становится также и сферой противоборства местной идентичности с влияниями глобализации. Идентичность местного сообщества стремится сохранять «родные с детства места» неизменными, а открытая экономика и коммерческие сети стремятся перестроить «архаические» территории под нужды глобальных торговых, товарных потоков.

Социально-экономические науки знакомы с этой проблематикой в связи с вопросами современной урбанистики, а искусствоведческие, архитектурные и культурологические – в связи с изучением феномена провинциальной культуры и архитектуры. Так, архитектурно-планировочная среда – это не только функционально-пространственное, но и нравственно-эстетическое выражение территориальной привязанности городского сообщества к «своему» (так мыслят местные жители) городу [Дахин 2006].

Глобальная региональная стратификация общества (глобальное разделение труда, экономическая специализация территорий и пр.) стремится к воплощению в материальных инженерных и архитектурных формах, планировках городов глобальных проектов и программ, подчиняя ландшафт городской территории требованиям экономического рационализма, меркантильной выгоды или политики унификации. Защитная реакция городского сообщества, противодействующая требованиям глобализации, может принимать формы социокультурного регионализма, тяготеющего к сохранению социально-архитектурной, визуальной, эстетической неповторимости и исключительности территории. При этом различные доминирующие кластеры городского сообщества могут занимать противоположные позиции: одни могут стоять на консервативных позициях, за всемерную защиту местной идентичности, а другие – на позициях модернизации, за повсеместное проникновение в город элементов глобализации. Если сильнее «консерваторы», то города стремятся сохранить или восстанавливать свое архитектурное историческое «лицо», неповторимые облики своих улиц и природных ландшафтов. Если сильнее «модернизаторы», то города меняются в сторону типовой или местечковой вычурной застройки, утрачивают свою фундаментальную традицию и историческую самобытность.

Изучая городские пространства, вслед за современной урбанистикой отметим то, что в поле исследований городского развития существует традиционное разделение архитектурно-планировочного пространства на «городское» и «сельское» или, точнее, на «столичное» и «провинциальное». В основе названного деления лежит один из принципов региональной стратификации, в соответствии с которым всякая пространственно определенная общность имеет территориально, а в случае с архитектурной средой – предметно и эстетически выраженные «центр» и «периферию». При этом важно подчеркнуть, что и «центр» (столица) и «пери-

ферия» (провинция) – это наиболее распространенные понятия, относящиеся к ведению теории региональной стратификации. Они указывают на наличие двух постоянных величин региональной иерархии, которые всегда обособлены друг от друга территориально, социально, экономически, политически и эстетически, но и связаны друг с другом.

Вызванная глобальной модой модернизация может становиться детонатором конфликта локальных идентичностей по линии «столица – провинция». В тех случаях, когда столица региона начинает разрушать традиционные порядки внутренней социальной самоорганизации и структур коллективной исторической памяти регионального сообщества, провинция может выступить в качестве противодействующего субъекта. А если между столицей и провинцией уже существовал конфликт идентичностей (например, этнонациональных), то модернизационный политический переворот в столице может стать источником резкого политического или гражданского противодействия со стороны провинции. Пример можно найти в современной Украине, где с 1991 г. тлеет конфликт идентичностей Киева (столицы) и юго-восточных провинций (Крым, Донецкая, Луганская обл. и др.). После политического переворота в Киеве в феврале 2014 г. возникла угроза силового подавления традиционных форм местной идентичности на территории названных провинциальных областей Украины. На эту угрозу провинция ответила всплеском автономизации, принявшим, в конечном счете, форму вооруженной защиты местного социального порядка, существовавшего до политического переворота в Киеве. В Крыму провинциальные защитники смогли опереться на поддержку сил российской военно-морской базы, а в Луганской и Донецкой обл. они могли рассчитывать в основном на свои силы. В ответ на этот всплеск провинциальной автономизации официальный Киев принял решение о силовом способе утверждения нового социального порядка на территории сопротивляющейся провинции и объявил о начале «антитеррористической операции» на территориях Луганской и Донецкой обл. В результате обострившийся конфликт идентичностей между столицей и провинцией принял форму гражданской войны.

Региональные отношения идентичностей «столица – провинция» в том или ином виде могут притягивать к себе процессы, связанные с глобальным уровнем социально-политических отношений. Это «притягивание» происходит особенно активно, если конфликт идентичностей столицы и провинции политизируется и дислоцирован на территории, являющейся сферой конкуренции глобальных акторов, которые стремятся реализовать на конкретной территории собственные геополитические цели. В упомянутой выше ситуации с Украиной такими глобальными акторами выступают, с одной стороны, США, НАТО и ЕС, а с другой – Россия и страны Таможенного союза (Беларусь, Казахстан).

Ключевой момент состоит в следующем: как государство – транзитер российского газа в Европу Украина на протяжении всего постсоветского времени является зоной пересечения геоэкономических интересов ЕС и России. А как территория потенциального расширения НАТО на восток, с одной стороны, и, с другой стороны, как страна, где со времен СССР и на основе соответствующих постсоветских двусторонних договоренностей расположена военно-морская база России, Украина находится в зоне пересечения геополитических интересов США (НАТО) и России. Поэтому политический переворот в Киеве сопровождался участием в событиях представителей ряда стран ЕС, США и России. В начале 2013 г. руководство ЕС активно призывало президента Украины подписать договор о вхождении страны в зону свободной торговли с ЕС, а руководство России одобрило выдачу Киеву кредита в 15 млрд долл. США и предоставление скидки по газу, предлагая Украине дорогу в Таможенный союз [Габуев, Сидоренко, Сурначева 2014]. В ходе эскалации украинского политического кризиса в ноябре 2013 – январе 2014 гг. официальные представители стран Запада (послы США, Франции, Испании, Германии в Украине, помощник госсекретаря США В. Нуланд, сенаторы США К. Мерфи, Дж. Маккейн, верховный представитель ЕС К. Эштон, министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер, глава МИДа Голландии Ф. Тимменманс, министр иностранных дел Литвы Л. Линкявичюс, спикер сейма Литвы Л. Граунжинене)

активно и публично поддерживали оппозицию власти В. Януковича на площади (майдане) Независимости в ее стремлении добиться досрочного прекращения полномочий президента. Официальная Москва в это же время непублично консультировала В. Януковича в целях противодействия попыткам досрочного отстранения его от президентской власти¹. После политического переворота в феврале 2014 г. страны Запада обеспечили активную публичную, информационную и финансовую поддержку захватившим власть силам в лице А. Яценюка, А. Турчинова и В. Кличко, а затем и в лице нового президента П. Порошенко. Россия оказала помощь бежавшему от репрессий президенту Януковичу при осуществлении его скрытной эвакуации из Украины в Россию (об этом рассказал В. Путин в фильме А. Кондрашова «Крым. Путь на Родину», 2015 г.), ресурсами своей военной базы обеспечила сохранение социального порядка, создав условия для проведения референдума о независимости Крыма², частично поддержала референдумы в Донецкой и Луганской обл., неофициально поддержала вооруженное сопротивление со стороны групп активного протеста на этих территориях против новой дискриминационной политики официального Киева, а также обеспечивала гуманитарную помощь населению восточных районов Украины, пострадавших от гражданской войны. В отличие от России, Казахстан и Беларусь не принимали участия в действиях, осуществлявшихся Россией, но предлагали свои услуги в качестве «третьих стран» для проведения миротворческих переговоров сторон конфликта в Украине и вовлеченных внешних акторов («нормандская четверка»). Кроме того, если официальная Москва публично не возражает против добровольного участия граждан России, в т.ч. находящихся в отпусках военнослужащих, в боестолкновениях на востоке Украины на стороне самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик³, то Казахстан публично пресекает такое участие своих граждан⁴. Уже летом 2014 г. различие позиций России, с одной стороны, и США, ЕС – с другой, породило волну санкций США и ЕС против России и ответные российские санкции против ЕС. Отношения России и Запада вступили в полосу новой «холодной войны». Таким образом, на примере украинской ситуации 2013–2015 гг. видно, как локальный региональный конфликт идентичностей, возникший на линии «столица – провинция», может индуцировать конфликтные напряжения на более высоких «этажах» глобальной региональной стратификации.

Список литературы

Авдонин В.С., Баранов А.В., Дахин А.В. 2008. Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления. – *Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007)* (отв. ред. О.Ю. Малинова). М.: РАПН; РОССПЭН. С. 105-126.

Анурин В.Ф. 1996. Политическая стратификация: содержательный аспект. – *Социс. Социологические исследования*. № 2. С. 83-89.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. 1986. *Многообразие культурной жизни народов СССР*. М.: Мысль.

Бромлей Ю.В. 1983. *Очерки теории этноса*. М.: Наука. 412 с.

Габуев А., Сидоренко С., Сурначева Е. 2014. Кто влиял на украинскую политику Кремля. – *Коммерсант*. 03.03. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/2416461> (проверено 05.08.2015).

Данилевский Н.Я. 1991. *Европа и Россия*. М.: Книга. 576 с.

¹ Путин В. 2014. Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.03. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: www.kremlin.ru (проверено 05.08.2015); Хойл Б. 2015. Телефонный звонок Путина повлек за собой прекращение кровопролития на Майдане. – *InoPressa*. 26.02. Доступ: http://www.inopressa.ru/article/26feb2014/times/ukraine_putin (проверено 05.08.2015).

² Путин В. 2014. Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.03. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: www.kremlin.ru (проверено 05.08.2015).

³ Путин В. 2014а. Большая пресс-конференция В. Путина. 18.12. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: www.kremlin.ru (проверено 05.08.2015).

⁴ Николаев К. 2015. Декорации не изменятся. – *Новые известия*. 16.03. Доступ: <http://www.newizv.ru/world/2015-03-16/216515-dekoracii-ne-izmenjatsja.html>

Дахин А.В. 1995. *Феноменология универсальности в культуре*: монография. Н. Новгород: ННГУ. 148 с.

Дахин А.В. 1998. Понятие гуманитарных и технологических факторов социальной стабильности. Гуманитарные факторы стабильности: социологический подход. – *Гуманитарные и технологические факторы стабильности в России: Наука – образование – политика*. М.: РГГУ.

Дахин А.В., Распопов Н.П. 1998. Проблема региональной стратификации в современной России. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 132-144.

Дахин А.В. 2006. Город как место памятования. – *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах* (под ред. Д.Н. Замятина). Вып. 4. М.: Институт наследия. С. 164-179.

Лифшиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В. 1994. Региональная стратегия России. – *Региональная политика*. № 6. С. 27-56.

Макарычев А.С. 1997. Региональные элиты и федеральный центр: противостояние, сотрудничество, компромиссы. – *Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад*. Н. Новгород: ННГУ. С. 44-64.

Моммен А. 1997. Истоки современного российского регионализма. Критический анализ. – *Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад*. Н. Новгород: ННГУ. С. 12-43.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. 1995. *Социальная стратификация*. М.: Аспект-Пресс, 318 с.

Сергунин А.А. 1997. Внешние факторы регионализации России. – *Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад*. Н. Новгород: ННГУ. С. 130-149.

Сорокин П.А. 1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат. 543 с.

DAKHIN Andrei Vasil'evich, Dr.Sci.(Philos.), Professor, Head of the Chair of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; ADakhin@vvpaa.vvags.ru)

REGIONAL STRATIFICATION OF A SOCIETY: GLOBAL AND LOCAL IN CULTURE, ECONOMICS, AND POLITICS

Abstract. The article is focused on the aspects of structural conditions and transformations of contemporary society in the light of the concept of regional stratification. Analyzing modern trends of transformation of cultural, economic and political spaces of modern Euro-Asian world, the author underlines the mission of state sovereignty and also describes some basic factors of regional diversity, in particular, collective memory's structure and identity. In combination with other economic and political factors, the collective memory and identity can stimulate processes of regionalization (decoupling) of socio-political space. An example of the conflict between the official Kiev and the east regions of Ukraine shows that the basic factors can form not only local, but global confrontations of different political regions. In conclusion the author underlines, that Russia is in need of modernization of its approaches in strategy of positioning itself in the system of regional stratification in the contemporary world.

Keywords: regional stratification of political space, regional collective memory, regional identity, global regional stratification, local regional stratification
